

УДК: 323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-102-114

ПРОФИЛИ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ УЧАСТИЯ, ВОВЛЕЧЕННОСТЬ, ЦЕННОСТИ

В. В. Маленков

Маленков Вячеслав Викторович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и бизнеса,
Тюменский государственный университет.
E-mail: vvmalenkov@gmail.com (ORCID: 0000-0003-2710-8022).

Аннотация

В первой части статьи рассматриваются теоретические аспекты гражданской активности. Автор анализирует связь данного концепта с другими понятиями, фиксирующими специфику современной ситуации в области воспроизводства активного гражданства. Характеризуя структуру феномена, автор выделяет три аспекта: гражданское участие (деятельностный аспект), гражданская вовлеченность (когнитивно-коммуникативный аспект), ориентация на активное гражданство (ценностная составляющая). В практической части описывается практика и режимы гражданской активности среди молодежи крупного российского города. Эмпирические данные получены в ходе двух анкетных опросов молодежи Тюмени в возрасте от 18 до 24 лет, реализованных в 2021 и 2023 гг. При анализе данных автор опирается на многомерный личностно-ориентированный подход, позволивший выделить однородные группы респондентов и описать их профили. Первичным критерием для группировки является опыт гражданского участия. Акцент сделан на форматах участия, развитие которых приходится на цифровую эру, более гибких по сравнению с традиционными, институциональными формами. Выделенные на основе гражданского опыта группы отличаются также по степени вовлеченности в гражданско-политическую жизнь общества и ценностным ориентациям. В первом исследовании выявлено пять кластеров: «пассивные», «электоральный резерв», «офлайн-резерв», «онлайн-резерв», «активные». По результатам второго замера зафиксировано увеличение гражданской активности, которое, как полагает автор, явилось следствием эффекта социальной мобилизации. При этом произошло некоторое изменение структуры кластеров, изменилась их доля. Кроме того, к ранее выделенным пяти добавились еще два: «цифровой актив» и «участники».

Ключевые слова: гражданская активность; активное гражданство; гражданское участие; гражданская вовлеченность; гражданские ценности; молодежь.

Характер и интенсивность воспроизводства «активного гражданства», как на уровне поддержки ключевых ценностей, так и на уровне практик, определяет качество политической системы, общественной жизни в целом, позволяет поддерживать гражданское здоровье нации. Рассмотрение проблематики воспроизводства активного гражданства в России особенно актуально на фоне прогрессирующей в последнее время политической демобилизации (Соколов, Палагичева, 2021).

В одной из самых цитируемых статей, посвященных этой проблеме, авторы констатируют, что даже в самых богатых и политически стабильных регионах мира демократия находится в плачевном состоянии (Foa, Mounk, 2016: 6), практически во всех устоявшихся демократиях имеет место давно зафиксированный отказ от формального демократического участия: падение явки избирателей и резкое сокращение членства в политических партиях (Foa, Mounk, 2016: 10).

При этом весьма распространено мнение о поколенческой обусловленности данного процесса, соответственно, основной вектор этой «негативной» тенденции задает именно молодое поколение, маркируемое как аполитичное, апатичное, безразличное. Причем не только в странах с недемократическими режимами, но и в горизонтальных политических системах прослеживается отрицательная динамика в отношении традиционных форм участия молодежи в общественной и политической жизни, девальвация ценностей представительной демократии.

Одновременно с этим последние полтора десятилетия наблюдается рост неформального гражданского участия, когда политизация и стихийная мобилизация ведут к возникновению краткосрочных коалиций, значительную роль в которых играет молодежь (Петухов, 2020). Фактически при наблюдаемом уменьшении гражданского участия, характерного для различных модификаций представительной демократии, может одновременно фиксироваться рост латентных форм участия, а также его потенциала, связанного с повышением значимости политики, интереса и вовлеченности в социально-политическую повестку.

Целью данной статьи является описание параметров гражданской активности молодежи крупного российского города, выделение групп, различающихся по опыту гражданского участия, степени гражданской вовлеченности и ориентациям на ценности активного гражданства.

Концептуальная рамка исследования

В целом данное понятие довольно объемно, границы его означаемого определить довольно сложно. В первую очередь следует зафиксировать его тесную связь с гражданством, когда апелляция к активности дифференцирует последнее в качестве формально-правового статуса от деятельностной составляющей, основанной на общих ценностях и моделях поведения (Pukett et al., 2010: 525).

Вместе с тем рассмотрение гражданства в такой перспективе предполагает широкий диапазон его максимизации – от гарантированного норматива гражданина-потребителя социальных благ, обеспечиваемых государством, к политическому гражданству как ответственному участию в управлении общественными делами. С одной стороны, неолиберальный стандарт гражданского минимума, где модель рационального экономического человека доминирует, сводя на нет его политическую агентность. С другой – программы в духе гражданского республиканизма, акцентированные на политической субъектности как предпосылке достижения идеала гражданственности, в котором сливаются воедино автономия личности, ответственность и соучастие.

Значимым ракурсом анализа деятельностного аспекта феномена является отделение действительной активности от имитационных практик. Ключевые разработки в этом направлении принадлежат классикам. Так, Ш. Арнштейн выделила восемь ступеней (фактически режимов) участия в зависимости от влияния участников на принятие решений (Arnstein, 1969: 217), варьирующихся от сугубо ритуальных, пассивных до реально влияющих, активных. К последним, по ее мнению, можно отнести только три: партнерство, делегирование власти и гражданский контроль. Предложенная концептуальная схема созвучна пониманию Г. Алмондом и С. Вербой различий участия в политическом процессе «на входе» (как поток требований) и «на выходе» (реализация властных стратегий в качестве исполнителя в административном процессе) (Алмонд, Верба, 2014: 31).

Кроме того, сами «нормативы» активности могут существенно отличаться в разных странах, а порой и внутри одной страны, региона. Например, в вертикальных политических системах распространено «управляемое участие», когда повестка, форматы, действующие лица и фактически результаты задаются административной логикой. В этом контексте актуализируется критическое гражданство и демократия участия (Lawy, Biesta, 2006; Taylor et al., 2010) как проявление горизонтальной логики формирования и реализации гражданских интенций, противопоставляемые традиционалистским политическим отношениям, ограниченности электоральной, плебисцитарной демократии (Юдин, 2021).

Еще одной значимой перспективой в анализе гражданской активности является трансформация ее форм – от традиционных к нетрадиционным, формальных к неформальным, институциональных к внеинституциональным и др. Й. Экман и Э. Амнå выделили в этой связи явные и скрытые формы участия, отнеся к последним фактически все, что не является политическим участием, связанным с формальными процедурами и институтами представительной демократии, но так или иначе может влиять на них в настоящем либо в будущем (Ekman, Amnå, 2012: 288).

Важными особенностями латентных форм являются: а) отсутствие непосредственного контакта с другими субъектами гражданской сферы, возможность в некоторых случаях сохранять анонимность, б) преимущественно индивидуальный характер действия (внеколлективный, квазиколлективный), в) опосредованный (непрямой) характер, отсутствие возможности получения моментального результата, эффекта. К такой активности часто относят политически мотивированное потребительское поведение, различные действия в цифровом пространстве.

В начале третьего тысячелетия появилось достаточно кейсов, демонстрирующих эффективность бойкотов, онлайн-коммуникаций, в том числе переросших в реальные политические действия.

В то же время велика роль контекста. Например, социально и политически мотивированные бойкоты (отказ от чего-то, в том числе от покупки) и байкоты (поддержка чего-то посредством покупки), ставшие популярными в разных уголках мира формами нетрадиционного гражданского участия, вряд ли могут быть широко востребованными в системах с высоким уровнем монополизации, при высокой зависимости экономики от административного ресурса.

Некоторое время назад «цифровое участие» рассматривалось в качестве перспективы. Многие исследователи поспешили опровергнуть тезис об упадке гражданской активности, констатируя последствия расширения репертуара участия, изменения его форм, позитивно проявившиеся в характере и качестве влияния граждан на власть (Dalton, 2008: 91). В первую очередь это связано с развитием цифровых площадок, появлением независимых проектов, способных оказывать влияние на принятие решений в обход традиционных механизмов и структур (политических партий, профсоюзов и т.д.).

С одной стороны, исследования его адептов свидетельствуют о положительных эффектах для развития политического участия (Boulianne, 2015; Frick, 2016; Nelson et al., 2017; Suwana, 2020), интерактивности, равноправия (Kahn et al., 2016: 3). П. Дальгрэн, описывая трансформацию публичного поля политики, отмечает положительный эффект цифровых коопераций, порождающих новые гражданские практики (Dahlgren, 2014). Часть инструментов цифрового участия относят к активным формам. Например, комментирование контента требует хотя бы минимальной вдумчивости, а написание постов является фактически одним из форматов гражданской журналистики.

С другой стороны, критический взгляд на онлайн-участие также весьма распространен. Например, отмечается его краткосрочность, узкая направленность, опора на слабые социальные связи, в то время как традиционное участие предполагает долгосрочные обязательства перед организациями-посредниками, связывающими людей с обществом (Ohme, 2019: 1904). Негативные коннотации связаны с понятиями «диванный активизм», или «слактивизм» (slacktivism), «кликтивизм» (clicktivism) (Morozov, 2009; Leyva, 2016), пополнившими социально-политический словарь.

Представляется, что данные формы можно отнести к промежуточной ступени между участием и когнитивно-коммуникативным гражданством (гражданской вовлеченностью), поскольку данные практики приватны по ощущениям и публичны по своим последствиям.

Можно констатировать, что участие является наиболее очевидным, внешним проявлением гражданской активности. Вместе с тем ряд авторов трактуют ее более широко, включая элементы другого порядка: помимо действий, поведения, практик еще и феномены личностного свойства (установки, ориентации, мнение). Ввиду этого важным дискурсивным аспектом является соотношение понятий «гражданская активность», «гражданское участие» и «гражданская вовлеченность», которые часто используются как синонимы.

Авторы, предпочитающие разделять эти понятия, закрепляют за участием конкретные действия в публичном поле, а вовлеченность трактуя как включенность в него. Одновременно с этим сложилось широкое и узкое понимание гражданской вовлеченности. В первом случае она трактуется как многомерное явление, представляющее совокупность различных форм поведения и социокогнитивных компонентов: ценности социальной ответственности, неформальная помощь, политические убеждения, гражданские навыки, экологическое поведение, волонтерство, намерения при голосовании и потребление новостей (Wray-Lake et al., 2017: 267).

В узком смысле вовлеченность включает только социокогнитивные элементы, определяемые преимущественно психологическими терминами, такими как заинтересованность, внимание, наличие знаний, убеждения, взгляды, чувства относительно политических или гражданских вопросов, тогда как участие трактуется как совместное политическое и гражданское действие (Barrett et al., 2014: 6). Согласно этой логике, не все участвующие вовлечены и не все вовлеченные участвуют.

Помимо структурно-процессуальной составляющей различные авторы пытались определить данный аспект через типологию граждан. Так, Л. У. Милбрэт выделял тип активного гражданина как «коммуникатора» (Milbrath, 1981: 201), который в силу разных причин не участвует непосредственно в политике, но при этом информирован и заинтересован, обладает высоким уровнем гражданской компетентности. Коммуникаторы склонны критично относиться к действиям власти и транслировать свое мнение среди людей, составляющих их повседневное окружение.

Наиболее известной, описывающей коммуникативно-вовлеченный режим активного гражданства, является концепция наблюдающего (мониторингового) гражданства (Shudson, 1998). М. Шадсон предложил модель «гражданина-наблюдателя», «гражданина-контролера», который не столько следит специально за общественной и политической повесткой, сколько считывает ее, сканирует, активизируется при наличии определенных отклонений.

Необходимо отметить, что с момента актуализации гражданской тематики в конце XX в. в основном велась концептуальная проработка проблематики активности граждан, а предлагаемые типологии носили в основном описательно-гипотетический характер. Появление эмпирических типологий приходится на первое десятилетие нового века (Hooghe, Dejaeghere, 2007; Hoskins, Mascherini, 2009).

Из более современных работ, описывающих типы гражданской активности с позиций многомерного анализа, следует отметить концепцию Э. Амно и Й. Экман, предложивших термин «резервные граждане» – «граждане в режиме ожидания» – те, кто сохраняет бдительность, в курсе политических событий, готов и может участвовать, если это необходимо. Такие потенциальные граждане, по мнению исследователей, отличаются от пассивных, которые ничего не делают и вообще избегают политики (Amnå, Ekman, 2014: 271).

Таким образом, в дальнейшем изложении будем, во-первых, учитывать, помимо явных, латентные формы гражданского участия; во-вторых, рассматривать когнитивные элементы (вовлеченность и ценностные ориентации) как часть гражданской активности.

Результаты исследования

Эмпирическую основу статьи составили данные двух анкетных опросов молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет, проживающих в Тюмени. Сбор данных первого замера ($n = 1068$) осуществлялся в декабре 2021 – январе 2022 г., второй замер ($n = 1025$) реализован в феврале–марте 2023 г. Структура выборки в обоих исследованиях аналогична – разница по половозрастным параметрам и занятости в пределах двух процентов, что отвечает высокой степени сравнимости данных.

Для определения структуры опыта гражданского участия респондентам было предложено 14 вариантов действий, из которых нужно было выбрать те, что производились ими хотя бы один раз за последние два года. Участники опросов могли выбрать любое количество из предложенных практик, а для случая отсутствия релевантного варианта также был предусмотрен ответ «ничего не делали». Большинство пунктов (11) полностью повторялось в обоих исследованиях, их можно разделить на пять категорий: участие в выборах (один пункт), участие в публичных мероприятиях (два пункта), социальное участие (два пункта), цифровое участие (четыре пункта), воздействие на мнение, социальные представления (два пункта). В первом замере также использовалось три пункта для описания социально и политически мотивированного потребительского поведения. Во втором замере было решено ограничиться одним вариантом ответа, поскольку эти три пункта значительно коррелировали между собой, а их разделение не давало никакой значимой для описания профилей информации. Вместе с тем в анкету было добавлено два пункта, фиксирующих опыт взаимодействия респондентов с политиками и представителями власти, а также финансирования социально значимых и политических проектов, организаций.

Гражданская вовлеченность измерялась тремя индикаторами, для описания ориентаций на ценности активного гражданства использовалось пять пунктов (в первом замере использовалась четырехбалльная шкала, во втором – пятибалльная), составляющих шкалу гражданских ценностей.

Репрезентация активного гражданства среди молодежи

Элементы активного гражданства выстраиваются подобно пирамиде. Наиболее актуализированы среди молодежи общегражданские ценности и базовые параметры «я – гражданин концепции». Достаточно высоко оценивают молодые люди возможность свободно выражать мнение по политическим вопросам ($80 \% \pm 2$) и возможность контролировать, влиять на власть ($60 \% \pm 4$). Весьма важен социальный аспект активного гражданства – участие в общественной жизни ($70 \% \pm 2$). Эти показатели остаются примерно на одном уровне во всех замерах.

Субъективная значимость политических действий, таких как участие в выборах и политике, несколько повысилась. Важность участия в выборах отметили 68 % (достаточно значимо – 27 %, очень значимо – 41 %), тогда как в предыдущем исследовании она составила 51 % (достаточно значимо – 31 %, очень значимо – 20 %), а в исследовании 2015 г. – 54 %. Наименее разделяемая гражданская ценность «участие в политике» по результатам последнего замера оказалась значимой для 48 % опрошенных (достаточно значимо – 26 %, очень значимо – 22 %), тогда как в исследовании 2021 г. для 40 % (достаточно значимо – 29 %, очень значимо – 11 %), а 2015 г. для 35 %.

Некоторые параметры вовлеченности снижаются. Так, в опросе 2023 г. всего 60 % отметили, что стремятся своими действиями вносить личный вклад в благополучие страны, в 2021 г. – 70 %, в 2019 г. – 72 %. Регулярно следят за политическими событиями 54 % опрошенных, в 2021 г. – 61 %, в 2019 г. – 64 %. В то же время доля тех, кто отметил, что часто обсуждают политические, социально-экономические и иные общественные проблемы с родственниками, друзьями, знакомыми, остается стабильной во всех замерах – 36 % в 2023 г. (достаточно часто – 25 %, очень часто – 11 %), 38 % в 2021 г. (достаточно часто – 27 %, очень часто – 11 %), 37 % в 2019 г. (достаточно часто – 27 %, очень часто – 10 %).

Рассмотрим масштабы и структуру опыта гражданского участия в динамике. В целом доля тех, кто делал хотя бы что-то из предложенного списка, сократилась с 91 до 83 % (в 2021 и 2023 гг. соответственно). Вместе с тем наиболее «востребованные» формы практиковало не более 48 % респондентов (табл. 1). Руководствуясь количественным подходом, можно выделить ядро и периферию гражданского опыта.

Таблица 1

Опыт гражданского участия (в %)

Вариант ответа	Опрос 2021 г.		Опрос 2023 г.	
	%	Ранг	%	Ранг
Группы в социальных сетях	31	6	48	1
Лайки, перепосты и т.д.	43	2	47	2
Соц. проекты, волонтерство	35	3	40	3
Выборы	46	1	35	4
Влияние на мнение	34	5	34	5
Петиции, обращения	34	4	33	6
Социально ответственный бойкот и покупка ¹	(20)	(7)	27	7
Социальный бойкот	20	7	–	–
Социальный бойкот (покупка)	11	11	–	–
Политический бойкот	9	13	–	–
Социальные инициативы	17	9	22	8
Публичное мнение в Сети	17	10	22	9
Провластные мероприятия	9	14	20	10
Добровольные мероприятия	11	12	19	11
Политическая агитация	20	8	19	12
Финансирование	–	–	18	13
Ничего не делали	9	15	17	14
Контакт с политиком, представителем власти	–	–	13	15

К первому условно отнесем формы действия, которые в обоих исследованиях практиковал не менее чем каждый третий респондент. Они занимают первое–шестое места в ранговой таблице и, несмотря на изменение позиции некоторых из них, сохранились в этом континууме. В обоих опросах около трети опрошенных отметили, что пытались повлиять на формирование или изменение мнения других людей по какому-либо общественно значимому вопросу, а также подписывали петицию, коллективное обращение. Две формы участия остались на втором и третьем местах в ранговой таблице, но при этом незначительно выросла их доля: на 4 % больше (с 43 до 47 %) стало тех, кто ставил лайк, делал перепост, рассылал, рекомендовал кому-либо видео, публикацию, затрагивающую обществен-

¹ Данные по опросу 2021 г. (обозначены в скобках) сгенерированы из трех переменных «социальный бойкот», «социальный бойкот (покупка)», «политический бойкот».

но значимые проблемы; на 5 % больше (с 35 до 40 %) участвовавших в социальном проекте, выступавших в роли волонтеров. Довольно заметно (с 31 до 48 %) увеличился процент вступающих в группу, подписывавшихся на канал, блог, где обсуждаются общественно значимые и политические вопросы, – данная форма участия переместилась с шестого места на первое в ранговой таблице, обогнав все другие.

Лишь участие в выборах сократилось почти на 10 % (с первого места на шестое в таблице рангов), что частично можно объяснить эффектом сочетания возрастной структуры выборки с электоральными циклами: в исследовании 2021 г. значительная доля молодых респондентов участвовала в общенациональных и региональных выборах, тогда как респонденты младшего возраста в 2023 г. просто не могли этого сделать в силу возраста.

Позиции, условно отнесенные к периферии, почти все в последнем замере составляют долю, близкую к 20 %, но ранговые позиции практически всех пунктов изменились. Доля пытавшихся убедить других людей поддержать политическую программу, конкретного политика, партию осталась практически прежней (уменьшилась с 20 до 19 %). На 5 % (с 17 до 22 %) увеличилось количество тех, кто публично выражал свое мнение по общественно значимому вопросу в сети Интернет (публиковал пост, размещал комментарий, изображение), а также пытался мобилизовать других людей на какое-то действие, мероприятие, направленное на исправление или улучшение ситуации в обществе, территории проживания.

Вместе с тем доля участвовавших в публичных мероприятиях выросла практически в два раза: каждый пятый отметил свое участие в них, тогда как ранее примерно каждый десятый. Было выделено два типа такого участия: добровольные мероприятия («добровольно участвовали в публичном мероприятии, акции, кампании, чтобы выразить свою гражданскую позицию, в том числе в онлайн-формате») и провластные мероприятия («принимали участие в общественно значимой кампании и (или) мероприятии (митинг, парад, фестиваль, слёт и т.д.), организованном органами власти либо по их инициативе»).

Интересно отметить, что по большинству аналогичных (полностью сопоставимых) пунктов результаты исследования 2023 г. практически не отличаются (в диапазоне до 2 %) от результатов исследования 2019 г. (Маленков, 2021). Исключением является значительное увеличение с 21 до 40 % доли участвовавших в социальном проекте, имеющих опыт волонтерской работы.

Распределение признаков активного гражданства в выборке неравномерно. Исходя из этого, на втором этапе применялся личностно-ориентированный подход, который предполагает разделение респондентов на однородные группы. С помощью анализа латентных классов (Magidson, Vermunt, 2004) выделено шесть кластеров по результатам опроса 2021 г. и семь кластеров по результатам опроса 2023 г., отличающихся между собой по параметрам воспроизводства активного гражданства. Первичным показателем для группировки выступил опыт гражданского участия (рис. 1, 2). Для определения оптимального количества кластеров использовался количественный подход с опорой на информационные критерии и статистики соответствия¹, а также контроль показателей вероятности отнесения наблюдения к конкретному из них. Параллельно проводился их качественный анализ, содержательная интерпретация.

---

¹ Рассчитаны в статистическом пакете Latent Gold 6.0.

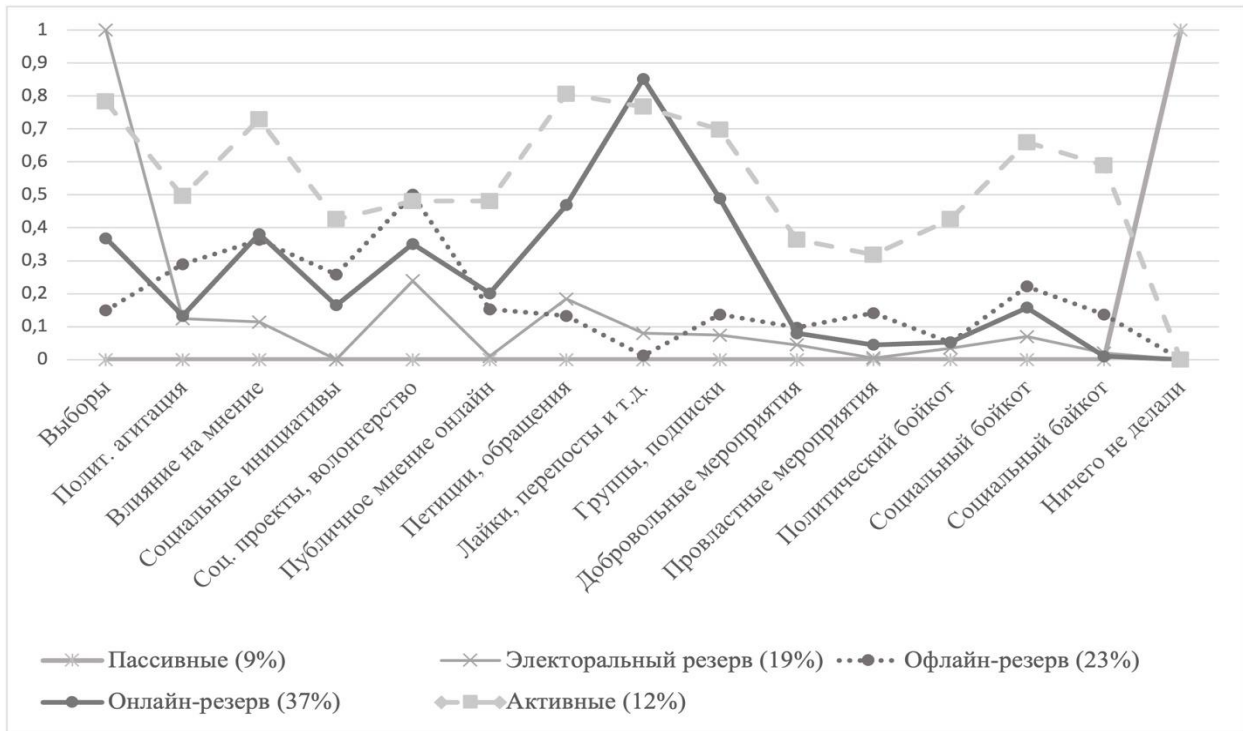

Рис. 1. Структура опыта участия в отдельных кластерах (2021 г.)

Помимо этого, для каждого из выделенных кластеров визуализированы профиль вовлеченности (рис. 3, 4) и ценностный профиль (рис. 5, 6). Составляющие их пункты использовались в качестве неактивных ковариат в процедуре моделирования латентных классов, что позволило получить предварительную оценку их представленности в отдельных группах. На втором этапе производился однофакторный дисперсионный анализ (непараметрический).

В кластер, условно обозначенный как *пассивные*, вошли не участвовавшие ни в одной из перечисленных практик (вариант ответа «ничего не делали») – 9 % в 2021 г. и 17 % в 2023 г. Степень их вовлеченности, равно как и важность самого участия, минимальны по сравнению с другими группами.

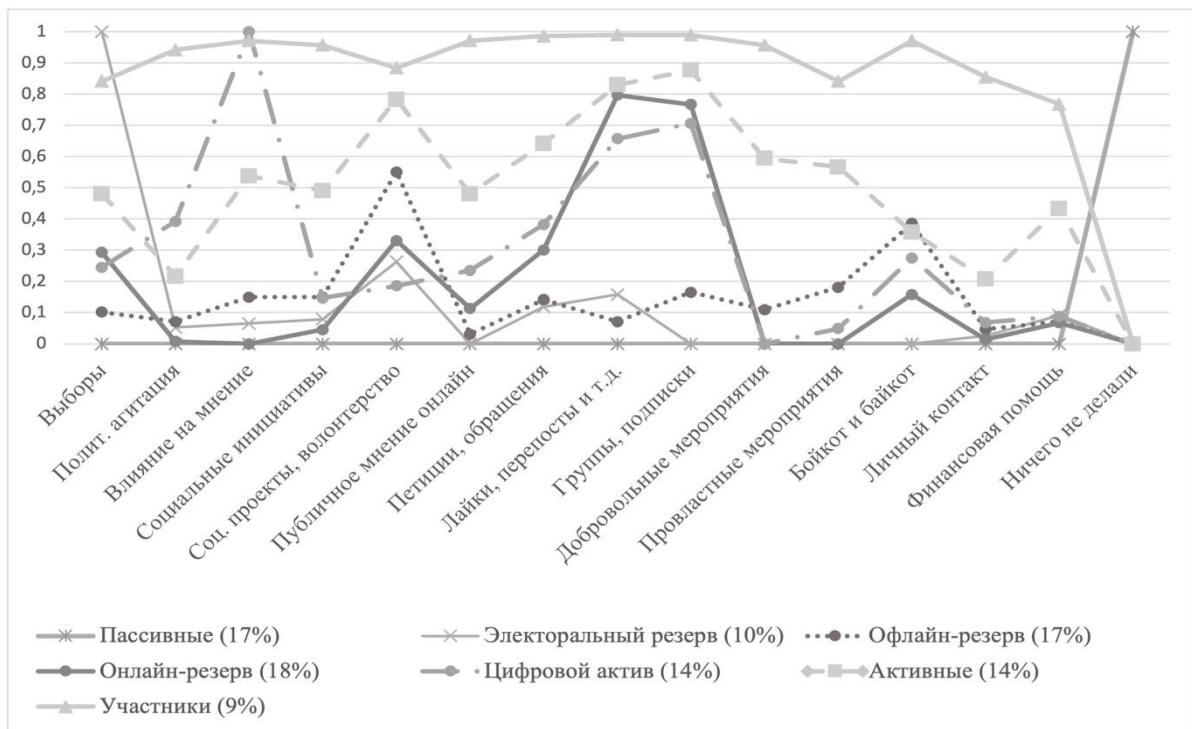

Рис. 2. Структура опыта участия в отдельных кластерах (2023 г.)

Следующие три группы обозначены как *резерв*, что созвучно термину «резервные граждане» (Amnå, Ekman, 2014). Они доминируют в первом замере, составляя в совокупности 79 % от числа опрошенных, но их доля заметно сокращается до 45 % в 2023 г. Количественно опыт участия в этих группах варьируется в среднем от 1,8 до 4,8, принципиально отличается структура.

Электоральный резерв характеризуется абсолютным преобладанием опыта участия в выборах (указали все входящие в данный кластер) над иными формами участия. По совокупности признаков похоже, что значительная часть отнесенных к данной группе респондентов вне электорального цикла, который является для них мобилизующим фактором, переходят в категорию пассивных. Отчасти этим можно объяснить уменьшение кластера с 19 до 10 % и одновременно увеличение на 8 % доли пассивных.

Офлайн-резерв (уменьшение кластера с 23 до 17 % и одновременно повышение среднего количества практик с 2,6 до 3,2) включает респондентов, опыт которых не акцентирован, размыт. В то же время в обоих замерах более заметное место занимает общественное участие. В частности, вошедшие в данный кластер были задействованы в реализации социальных проектов, выступали в роли волонтеров, инициаторов локальных изменений в разных сферах жизнедеятельности общества. В целом структура кластера сохранилась, но в исследовании 2021 г. чуть более выраженным было продвижение своего мнения по социальным и политическим вопросам, тогда как в 2023 г. более акцентирована позиция социально-ответственного потребления.

Онлайн-резерв (значительное уменьшение кластера с 37 до 18 %, при этом заметное повышение среднего количества практик с 3,8 до 4,9) характеризуется более насыщенным опытом гражданского участия при одновременно значительной концентрации его на онлайн-формах, причем преимущественно на пассивных. Наиболее репрезентативными виртуальными практиками являются лайки, перепосты, ссылки и рекомендации социально-политического и иного общественно значимого контента. Менее представлены, но все же значимы, такие формы участия, как коллективные обращения (петиции), а также оформление подписок на группы, каналы, блоги социально-политической тематики.

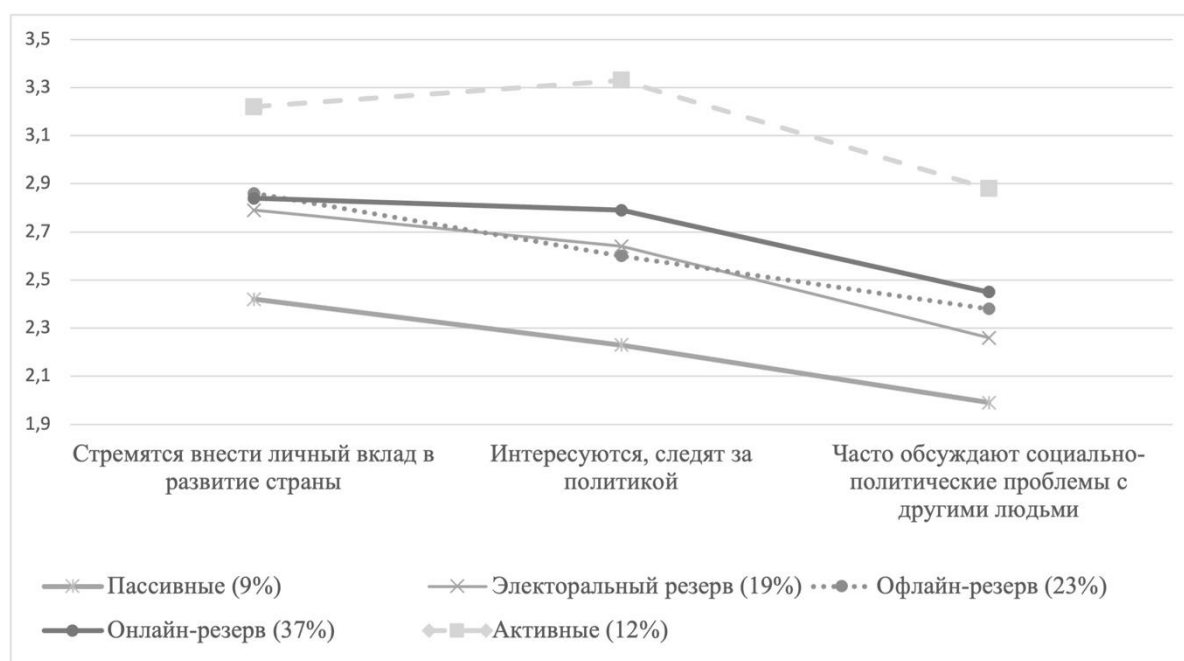

Рис. 3. Профили гражданской вовлеченности (средние по кластерам, 2021 г.)

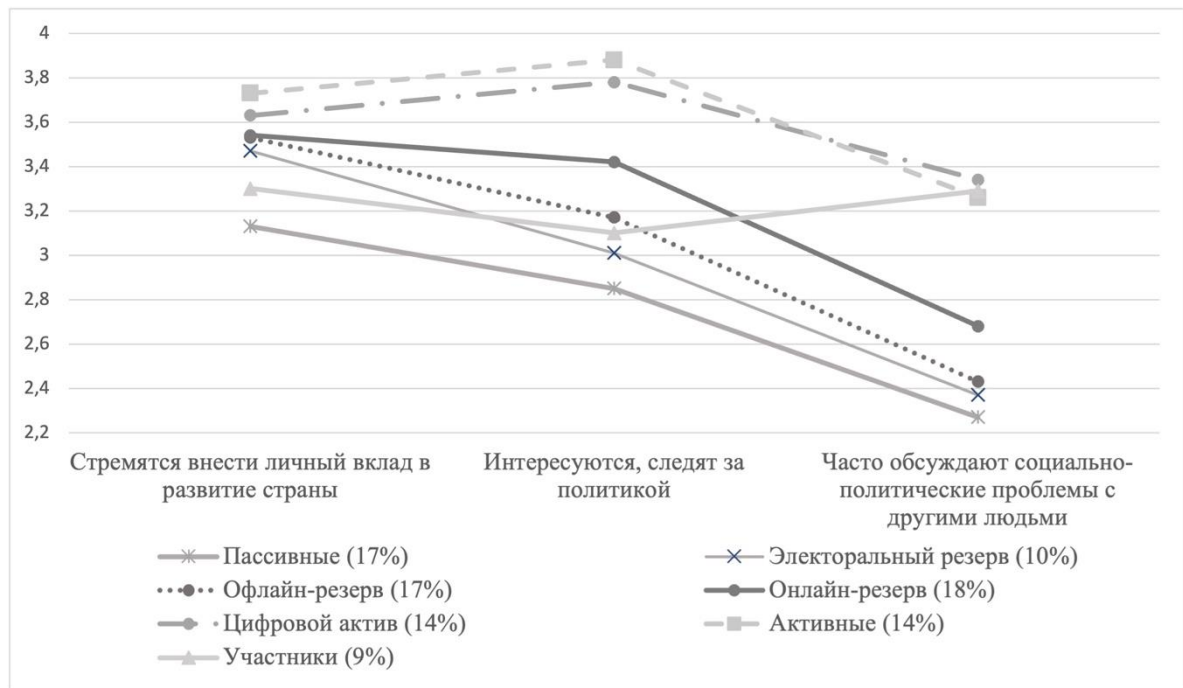

Рис. 4. Профили гражданской вовлеченности (средние по кластерам, 2023 г.)

Характерно, что эти три кластера (три типа резерва) имеют похожие параметры вовлеченности, расположены в среднем диапазоне между пассивными и активными кластерами (см. рис. 3, 4). В то же время ценностный профиль электорального и социального резервов в нескольких точках ближе к пассивному, чем к цифровому резерву, тогда как последний тяготеет, особенно во втором замере, к активным группам (см. рис. 5, 6). Особенностью резервных групп является способность их в какой-то момент реализовать себя в качестве активных в той или иной степени участников. Особенно это проявляется, когда резко меняется ситуация в обществе или оно переходит в состояние мобилизации (электоральной, социальной, политической и др.).

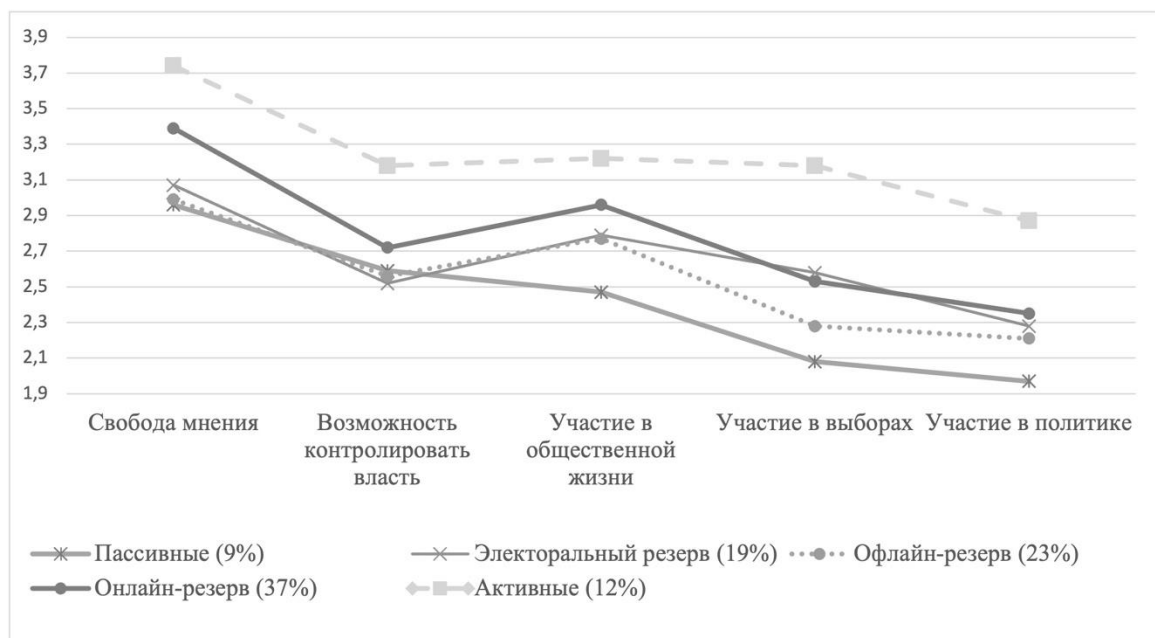

Рис. 5. Профили ценностей активного гражданства (средние по кластерам, 2021 г.)

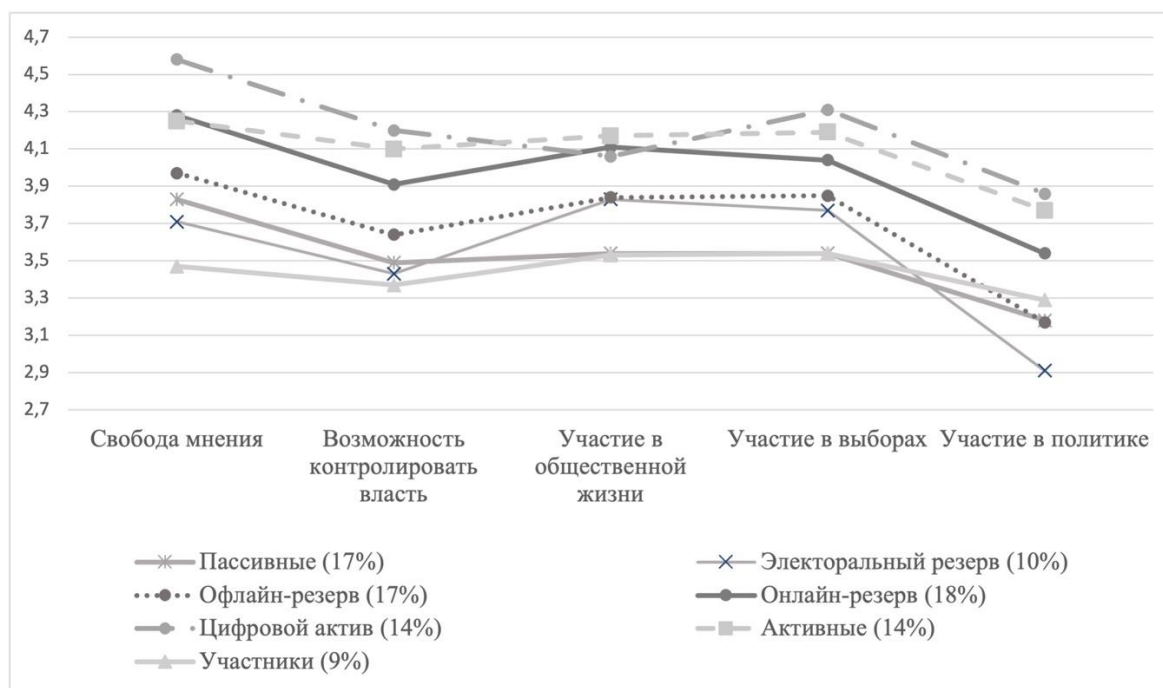

Рис. 6. Профили ценностей активного гражданства (средние по кластерам, 2023 г.)

Именно данным эффектом объясняется, полагаем, появление во втором замере кластера, которого не было в первом и никогда ранее он не был обнаружен в таком масштабе (обычно не более 2 %) в других проведенных нами исследованиях. Условно его назвали «участники» (9 %): входящие в него респонденты продемонстрировали феноменально обширный опыт участия и высокую частоту обсуждения социально-политических проблем с другими людьми (такая же, как в активных группах), но при этом относительно низкие показатели субъективной важности гражданского участия и интереса к политике.

Представляется, что тот же мобилизационный фактор повлиял на уменьшение во втором замере кластера онлайн-резерва (более чем в два раза) и появление *цифрового актива* (14 %). Второй отличается от первого более широким спектром опыта участия: кроме онлайн-форм, в данной группе актуализировалась потребность влияния на формирование или изменение мнения других людей по какому-либо общественно значимому вопросу – попытки повлиять делали все входящие в данный кластер. Для цифрового актива также характерна высокая вовлеченность в политику и субъективная важность политического участия – эти параметры находятся на одном уровне с кластером «активных».

Активные – единственный тип активного гражданства, который «обнаружился» в обоих исследованиях, его доля выросла с 12 % в 2021 г. до 14 % в 2023 г. Для данного кластера характерен достаточно разноплановый репертуар гражданского участия. При этом плотность опыта участия довольно заметно повысилась (среднее количество практик – 8 в 2021 г. и 11,5 в 2023 г.).

Заключение

Понимание латентной природы значительной части гражданской активности в современных политических системах и наличие потенциальных, слабо актуализированных элементов дает определенные преимущества в оценке масштабов и структуры данного феномена по сравнению с традиционным подходом, ориентированным на фиксацию только институционализированных форм участия, невключение когнитивно-коммуникативных и ценностных аспектов. Проведенный анализ аналогичных исследований показал сопоставимость результатов, в частности измеряемых параметров (аналогичных переменных), а также воспроизводимость доминирующих типов потенциальной гражданской активности: «резервного», «мониторингового», «коммуникативного» и других подобных.

Анализ результатов в динамике подтвердил наличие эффекта активизации деятельных компонентов гражданства среди молодежи в результате изменения социально-политической ситуации при относительной стабильности когнитивно-коммуникативных и ценностных составляющих. Интересно, что в аналогичном исследовании автора, проведенном в 2019 г. (Маленков, 2021), по большинству

пунктов также получены близкие к исследованию 2023 г. цифры. Применение многомерного подхода, в силу открывающейся возможности видеть структуру измеряемых показателей отдельных групп, позволило более четко выделить различия гражданской активности молодежи Тюмени во времени.

По результатам анализа латентных классов идентифицированы и описаны однородные группы. Они все различаются по характеру и плотности опыта гражданского участия. В то же время по степени вовлеченности и ориентациям на ценности активного гражданства можно выделить активные группы, группы резерва, за исключением электорального резерва, который в значительной степени близок к пассивным.

Пять кластеров присутствуют в обоих замерах, в то же время их доля меняется. Включающий наиболее пассивных респондентов увеличился с 9 до 17 %. Полагаю, что на фоне общей активизации увеличение «ничего не делавших» произошло в большей степени из-за уменьшения участвовавших в выборах в целом (ранее указывали на чисто формальную обусловленность этого возрастным составом респондентов). Примерно на столько же (с 19 до 10 %) уменьшается электоральный резерв. В более ранних исследованиях была замечена данная тенденция: в период, близкий к выборам, кластер пассивных уменьшается, а электоральный актив растет примерно на сопоставимую величину, при сохранении близости данных кластеров по степени гражданской вовлеченности и соответствующим ценностным ориентациям. Представляется, что этот эффект может быть связан с характером электорального механизма, плебисцитарной его природой.

Наиболее активный во всех аспектах кластер вырос незначительно – с 12 до 14 %. Чуть более заметно уменьшился «офлайн-резерв» (с 23 до 17 %) и более чем в два раза «онлайн-резерв» (с 37 до 18 %). Одновременно с этим во втором замере появляется два новых кластера: «цифровой актив» (14 %) и «участники» (9 %). Второй особый в силу того, что по ряду параметров вовлеченности и ценностям он близок к пассивному кластеру, в то время как опыт участия весьма значителен. Все это, как представляется, можно объяснить уже другим фактором активизации, возникшим в начале 2022 г.

Предложенные выше гипотезы требуют дополнительной проверки в ходе дальнейших исследований, при этом некоторое расширение сравнительной перспективы, введение возможно большего количества переменных способно значительно углубить понимание природы, различий выделенных групп.

Список литературы / References

- Алмонд, Г., Верба, С. (2014) *Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах*. Москва: Мысль. [Almond, G. S., Verba, S. (2014) *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations* [Grazhdanskaya kul'tura: politicheskiye ustanovki i demokratiya v pyati stranakh]. Moscow: Misl. (In Russ.)].
- Маленков, В. В. (2021) 'Активное гражданство: эмпирические проекции концепта (по результатам исследования тюменской молодежи)', *Социологические исследования*, 3, сс. 131–136. [Malenkov, V. V. (2021) 'Active Citizenship: Concept and its empirical Projections (Based on the Results of Tyumen Youth Survey)' [Aktivnoye grazhdanstvo: empiricheskiye proyeksii kontsepta (po rezul'tatam issledovaniya tyumenskoy molodezhi)], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 3, pp. 131–136. (In Russ.)].
- Петухов, В. В. (2020) 'Российская молодежь и ее роль в трансформации общества', *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, сс. 119–138. [Petukhov, V. V. (2020) 'Russian Youth and Its Role in Society Transformation' [Rossiyskaya molodezh' i yeye rol' v transformatsii obshchestva], *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, pp. 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621 (In Russ.)].
- Соколов, А. В., Палагичева, А. В. (2021) 'Особенности политической демобилизации граждан в современной России', *Вестник Пермского университета. Политология*, 15(2), сс. 82–95. [Sokolov, A. V., Palagicheva, A. V. (2021) 'Features of political mobilization of citizens in protest in modern Russia' [Osobennosti politicheskoy demobilizatsii grazhdan v sovremennoy Rossii], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 15(2), pp. 82–95. (In Russ.)].
- Юдин, Г. (2021) 'Россия как плебисцитарная демократия', *Социологическое обозрение*, 20(2), сс. 9–47. [Yudin, G. (2021) 'Russia as a Plebiscitary Democracy'

- [Rossiya kak plebistsitarnaya demokratiya], *The Russian Sociological Review*, 20(2), pp. 9–47 (In Russ.).
- Amná, E., Ekman, J. (2014) ‘Standby citizens: diverse faces of political passivity’, *European Political Science Review*, (6), pp. 261–281, DOI:10.1017/S175577391300009X.
- Arnstein, S. R. (1969) ‘A Ladder of Citizen Participation’, *Journal of the American Institute of Planners*, 35(4), pp. 216–224.
- Barrett, M., & Brunton-Smith, I. (2014) ‘Political and Civic Engagement and Participation: Towards an Integrative Perspective’, *Journal of Civil Society*, 10(1), pp. 5–28.
- Boulianne, S. (2015) ‘Social media use and participation: a meta-analysis of current research’, *Information, Communication & Society*, 18(5), pp. 524–538.
- Dahlgren, P. (2014) ‘Political participation via the web: Structural and subjective contingencies’, *Interactions: Studies in Communication & Culture*, 5(3), pp. 255–269.
- Dalton, R. J. (2008) ‘Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation’, *Political Studies*, 56(1), pp. 76–98.
- Ekman, J., Amná, E. (2012) ‘Political participation and civic engagement: Towards a new typology’, *Human Affairs*, 22(3), pp. 283–300. DOI: 10.2478/s13374-012-0024-1.
- Frick, K. T. (2016) ‘Citizen activism, conservative views and mega planning in a digital era’, *Planning Theory & Practice*, 17(1), pp. 93–118.
- Foa, R., and Mounk, Y. (2016) ‘The Democratic Disconnect’, *Journal of Democracy*, 27(3), pp. 5–17.
- Hooghe, M. and Dejaeghere, Y. (2007) ‘Does the ‘monitorial citizen’ exist? An empirical investigation into the occurrence of post-modern forms of citizenship in the Nordic countries’, *Scandinavian Political Studies*, 30(2), pp. 249–271.
- Hoskins, B. L. and Mascherini, M. (2009) ‘Measuring Active Citizenship through the Development of a Composite Indicator’, *Social Indicators Research*, 90(3), pp. 459–488.
- Kahne, J., Hodgin, E. and Eidman-Aadahl, E. (2016) ‘Redesigning Civic Education for the Digital Age: Participatory Politics and the Pursuit of Democratic Engagement’, *Theory & Research in Social Education*, 44(1), pp. 1–35.
- Lawy, R. and Biesta, G. (2006) ‘Citizenship-As-Practice: The educational implications of an inclusive and relational understanding of citizenship’, *British Journal of Educational Studies*, 54(1), pp. 34–50.
- Leyva, R. (2016) ‘Exploring UK Millennials’ Social Media Consumption Patterns and Participation in Elections, Activism, and “Slacktivism”, *Social Science Computer Review*, 35(4), pp. 462–479.
- Magidson, J. and Vermunt, J. K. (2004) ‘Latent class models’. In D. Kaplan (Ed.), *The Sage handbook of quantitative methodology for the social sciences* (pp. 175–198). Sage.
- Milbrath, L. W. (1981) ‘Political Participation’. In: S. L. Long (ed.) *The Handbook of Political Behavior*. New York: Plenum Press.
- Morozov, E. (2009) ‘From slacktivism to activism’, *Foreign Policy*. URL: <http://foreignpolicy.com/2009/09/05/from-slacktivism-to-activism> (accessed 12.08.20).
- Nelson, J., Lewis, D., Lei, R. (2017) ‘Digital Democracy in America: A Look at Civic Engagement in an Internet Age’, *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 94(1), pp. 318–334.
- Ohme, J. (2019) ‘Updating citizenship? The effects of digital media use on citizenship understanding and political participation’, *Information, Communication and Society*, 22(13), pp. 1903–1928.
- Pykett, J., Saward M., Schaefer A. (2010) ‘Framing the Good Citizen’, *The British Journal of Politics and International Relations*, 12(4), pp. 523–538.
- Schudson, M. (1998) *The Good Citizen: A History of American Public Life*. New York: The Free Press.
- Suwana, F. (2020) ‘What motivates digital activism? The case of the Save KPK movement in Indonesia’, *Information, Communication and Society*, 23(9), pp. 1295–1310.
- Taylor, M., Howard, J., Lever, J. (2010) ‘Citizen Participation and Civic Activism in Comparative Perspective’, *Journal of Civil Society*, 6(2), pp. 145–164.
- Wray-Lake, L., Metzger, A., Syvertsen, A. K. (2017) ‘Testing multidimensional models of youth civic engagement: Model comparisons, measurement invariance, and age differences’, *Applied Developmental Science*, 21(4), pp. 266–284.

Статья поступила в редакцию: 27.06.2023

Статья принята к печати: 06.11.2023

YOUTH CIVIC ACTIVITY PROFILES: PRACTICES, ENGAGEMENT MODES, VALUES

V. V. Malenkov

V. V. Malenkov, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor,
Tyumen State University.

E-mail: vvmalenkov@gmail.com (ORCID: 0000-0003-2710-8022).

Abstract

The author analyzes the relationship between civic engagement and other concepts that describe the specifics of the current situation in the field of reproduction of active citizenship. Three components of civic engagement are distinguished: civic participation (activity aspect), civic engagement (cognitive and communicative aspect) and active citizenship orientation (value component). The article then describes the practice and forms of civic activity of young people in a large Russian city. Empirical data is collected through two questionnaire surveys of Tyumen youth aged 18-24, conducted in 2021 and 2023. When analyzing data, the author relies on a multidimensional personality-oriented approach, which makes it possible to identify homogeneous groups of respondents and describe their profiles. The primary criterion for grouping is the experience of civic participation. The emphasis is on participation formats that are developing in the digital era and are more flexible than traditional, institutional forms. The first study identifies five clusters: "passive", "electoral reserve", "offline reserve", "online reserve", "active". There is an increase in civic activity according to the results of the second measurement. At the same time, there is a change in the structure of the clusters, a change in their proportions. Furthermore, two new clusters are added: "digital asset" and "participants".

Keywords: civic activity; active citizenship; civic participation; civic engagement; civic values; youth.